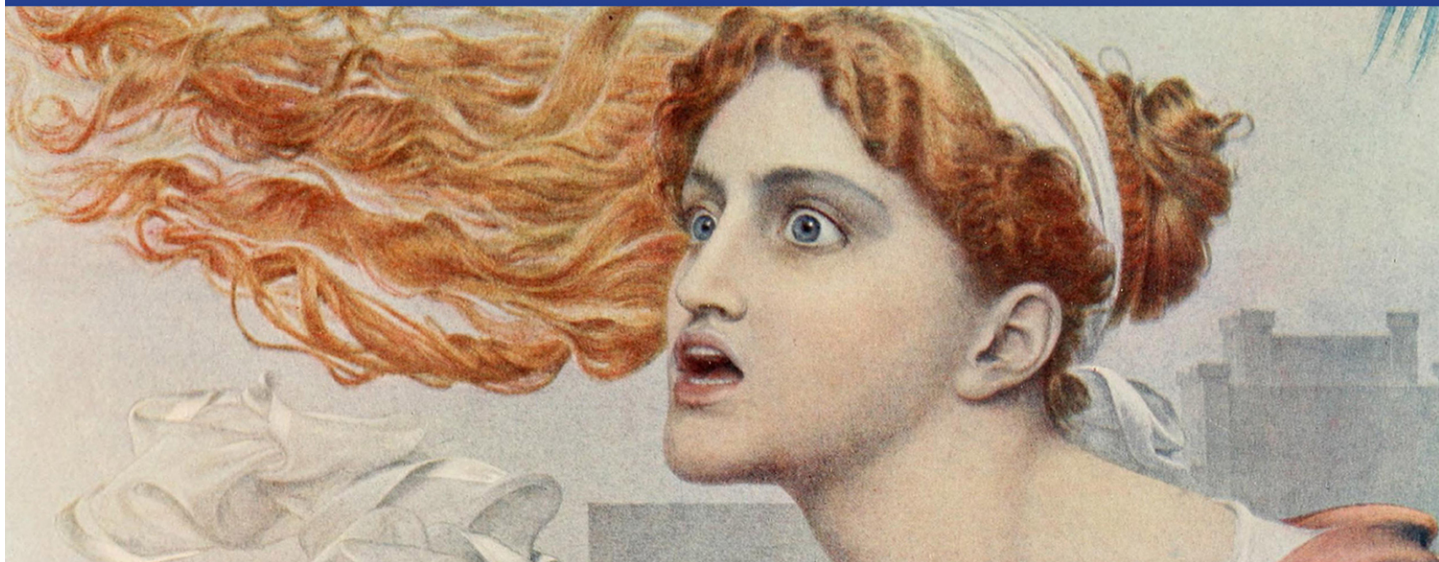

Франц Кафка

Замок

Перевод с немецкого
Риты Райт-Ковалевой

ФТМ

Франц Кафка

Замок

«ФТМ»

1926

Кафка Ф.

Замок / Ф. Кафка — «ФТМ», 1926

ISBN 978-5-4467-1748-4

Роман «Замок» многопланов и неоднозначен. Чаще всего в нем видят антиутопию, отображение тоталитарного общества, конфликта между государством и личностью. Но Кафка говорит и о проблеме личности, не вписывающейся в окружающий мир. Мир, где она чувствуют себя чужой, не такой, как все...

ISBN 978-5-4467-1748-4

© Кафка Ф., 1926

© ФТМ, 1926

Содержание

1. Прибытие	5
2. Варнава	14
3. Фрида	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Франц Кафка

Замок

1. Прибытие

К. прибыл поздно вечером. Деревня тонула в глубоком снегу. Замковой горы не было видно. Туман и тьма закрывали ее, и огромный Замок не давал о себе знать ни малейшим проблеском света. Долго стоял К. на деревянном мосту, который вел с проезжей дороги в Деревню, и смотрел в кажущуюся пустоту.

Потом он отправился искать ночлег. На постоялом дворе еще не спали, и хотя комнат хозяин не сдавал, он так растерялся и смутился приходом позднего гостя, что разрешил К. взять соломенный тюфяк и лечь в общей комнате. К. охотно согласился. Несколько крестьян еще допивали пиво, но К. ни с кем не захотел разговаривать, сам стащил тюфяк с чердака и улегся у печки. Было очень тепло, крестьяне не шумели, и, окинув их еще раз усталым взглядом, К. заснул.

Но вскоре его разбудили. Молодой человек с лицом актера – узкие глаза, густые брови – стоял над ним рядом с хозяином. Крестьяне еще не разошлись, некоторые из них повернули стулья так, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек очень вежливо попросил прощения за то, что разбудил К., представился – сын кастеляна Замка – и затем сказал:

– Эта Деревня принадлежит Замку, и тот, кто здесь живет или ночует, фактически живет и ночует в Замке. А без разрешения графа это никому не дозволяется. У вас такого разрешения нет, по крайней мере вы его не предъявили.

К. привстал, пригладил волосы, взглянул на этих людей снизу вверх и сказал:

– В какую это Деревню я попал? Разве здесь есть Замок?

– Разумеется, – медленно проговорил молодой человек, а некоторые окружающие поглядели на К. и покачали головами. – Здесь находится Замок графа Вествеста.

– Значит, надо получить разрешение на ночевку? – переспросил К., словно желая убедиться, что ему эти слова не приснились.

– Разрешение надо получить обязательно, – ответил ему молодой человек и с явной насмешкой над К., разведя руками, спросил хозяина и посетителей: – Разве можно без разрешения?

– Что же, придется мне достать разрешение, – сказал К., зевнув и откинув одеяло, словно собиравшись встать.

– У кого же? – спросил молодой человек.

– У господина графа, – сказал К., – что же еще остается делать?

– Сейчас, в полночь, брать разрешение у господина графа? – воскликнул молодой человек, отступая на шаг.

– А разве нельзя? – равнодушно спросил К. – Зачем же тогда вы меня разбудили?

Но тут молодой человек совсем вышел из себя.

– Привыкли бродяжничать? – крикнул он. – Я требую уважения к графским служащим. А разбудил я вас, чтобы вам сообщить, что вы должны немедленно покинуть владения графа.

– Но довольно ломать комедию, – нарочито тихим голосом сказал К., ложась и натягивая на себя одеяло. – Вы слишком много себе позволяете, молодой человек, и завтра мы еще поговорим о вашем поведении. И хозяин, и все эти господа могут всё подтвердить, если вообще понадобится подтверждение. А я только могу вам доложить, что я тот землемер, которого граф вызвал к себе. Мои помощники со всеми приборами подъедут завтра. А мне захотелось пройтись по снегу, но, к сожалению, я несколько раз сбивался с дороги и потому попал сюда так

поздно. Я знал и сам, без ваших наставлений, что сейчас не время являться в Замок. Оттого я и удовольствовался этим ночлегом, который вы, мягко выражаясь, нарушили так невежливо. На этом мои объяснения кончены. Спокойной ночи, господа! – И К. повернулся к печке.

– Землемер? – услышал он чей-то робкий вопрос за спиной, потом настала тишина. Но молодой человек тут же овладел собой и сказал хозяину голосом достаточно сдержанным, чтобы подчеркнуть уважение к засыпающему К., но все же достаточно громким, чтобы тот услышал: – Я справлюсь по телефону. – Значит, на этом постоялом дворе есть даже телефон? Превосходно устроились. Хотя кое-что и удивляло К., он, в общем, принял все как должное. Выяснилось, что телефон висел прямо над его головой, но спросонья он его не заметил. И если молодой человек станет звонить, то, как он ни старайся, сон К. обязательно будет нарушен, разве что К. не позволит ему звонить. Однако К. решил не мешать ему. Но тогда не было смысла притворяться спящим, и К. снова повернулся на спину. Он увидел, что крестьяне робко сбились в кучку и переговариваются; видно, приезд землемера – дело немаловажное. Двери кухни распахнулись, весь дверной проем заняла мощная фигура хозяйки, и хозяин, подойдя к ней на цыпочках, стал что-то объяснять. И тут начался телефонный разговор. Сам кастелян спал, но помощник кастеляна, вернее, один из его помощников, господин Фриц, оказался на месте. Молодой человек, назвавший себя Шварцером, рассказал, что он обнаружил некоего К., человека лет тридцати, весьма плохо одетого, который преспокойно спал на соломенном тюфяке, положив под голову вместо подушки рюкзак, а рядом с собой – суковатую палку. Конечно, это вызвало подозрение, и так как хозяин явно пренебрег своими обязанностями, то он, Шварцер, счел своим долгом вникнуть в его дело как следует, но К. весьма неприязненно отнесся к тому, что его разбудили, допросили и пригрозили выгнать из владений графа, хотя, может быть, рассердился он по праву, так как утверждает, что он землемер, которого вызвал сам граф. Разумеется, необходимо, хотя бы для соблюдения формальностей, проверить это заявление, поэтому Шварцер просит господина Фрица справиться в главной канцелярии, действительно ли там ожидают землемера, и немедленно сообщить результат по телефону.

Стало совсем тихо; Фриц наводил справки, а тут ждали ответа. К. лежал неподвижно, он даже не повернулся и, не проявляя никакого интереса, уставился в одну точку. Недоброжелательный и вместе с тем осторожный доклад Шварцера говорил о некоторой дипломатической подготовке, которую в Замке, очевидно, проходят даже самые незначительные люди вроде Шварцера. Да и работали там, как видно, на совесть, раз главная канцелярия была открыта и ночью. И справки выдавали, как видно, сразу: Фриц позвонил тут же. Ответ был, как видно, весьма короткий, и Шварцер злобно бросил трубку.

– Как я и говорил! – закричал он. – Никакой он не землемер, просто гнусный враль и бродяга, а может, и похуже.

В первую минуту К. подумал, что все – и крестьяне, и Шварцер, и хозяин с хозяйкой – бросятся на него. Он нырнул под одеяло – хотя бы укрыться от первого наскока. Но тут снова зазвонил телефон, как показалось К., особенно громко. Он осторожно высунул голову. И хотя казалось маловероятным, что звонок касается К., но все остановились, а Шварцер подошел к аппарату. Он выслушал длинное объяснение и тихо проговорил:

– Значит, ошибка? Мне очень неприятно. Как, звонил сам начальник канцелярии? Странно, странно. Что же мне сказать господину землемеру?

К. насторожился. Значит, Замок утвердил за ним звание землемера. С одной стороны, это было ему невыгодно, так как означало, что в Замке о нем знают все что надо и, учитывая соотношение сил, шутя принимают вызов к борьбе. Но с другой стороны, в этом была и своя выгода: по его мнению, это доказывало, что его недооценивают и, следовательно, он будет пользоваться большей свободой, чем предполагал. А если они считают, что этим своим безусловно высокомерным признанием его звания они смогут держать его в постоянном страхе, то тут они ошибаются: ему стало немного жутко, вот и все.

К. отмахнулся от Шварцера, когда тот робко попытался подойти к нему, отказался, несмотря на уговоры, перейти в комнату хозяев, только принял из рук хозяина стакан питья, а от хозяйки – таз для умывания и мыло с полотенцем; ему даже не пришлось просить очистить зал, так как все уже теснились у выхода, отворачиваясь от К., чтобы он утром никого не узнал. Лампу погасили, и наконец его оставили в покое. Он уснул глубоким сном и, хотя его раза два будили шмыгавшие мимо крысы, проспал до самого утра.

После завтрака – и еду, и пребывание К. в гостинице должен был, по словам хозяина, оплатить Замок – К. собрался идти в Деревню. Но так как хозяин, с которым он, памятуя его вчерашнее поведение, говорил только по необходимости, все время молча, с умоляющим видом, вертелся около него, К. сжалился над ним и разрешил ему присесть рядом.

– С графом я еще не знаком, – сказал он. – Говорят, он за хорошую работу хорошо и платит, верно? Когда уедешь, как я, далеко от семьи, хочется привезти домой побольше.

– Об этом пусть господин не беспокоится, на плохую оплату здесь еще никто не жаловался.

– Да я и не робкого десятка, – сказал К. – Могу настоять на своем и перед графом, но, конечно, куда лучше поладить миром с этим господином.

Хозяин примостился напротив К. на самом краешке подоконника – усесться поудобнее он не решался – и не сводил с К. больших карих испуганных глаз. И хотя перед этим он сам все время ходил около К., но теперь, как видно, ему не терпелось сбежать. Боялся он, что ли, расспросов про графа? Или боялся, что «господин», которого он видел в К., – человек ненадежный? К. решил его отвлечь. Взглянув на часы, он сказал:

– Скоро подъедут и мои помощники, сможешь ли ты пристроить их тут?

– Конечно, сударь, но разве они не будут жить вместе с тобой в Замке?

Неужели он так легко и охотно отказывается от постояльцев, и от К. в особенности, считая, что тот непременно будет жить в Замке?

– Это не обязательно, – сказал К., – сначала надо узнать, какую мне дадут работу. Если, к примеру, придется работать тут, внизу, то и жить внизу будет удобнее. К тому же я боюсь, что жизнь в Замке окажется не по мне. Хочу всегда чувствовать себя свободно.

– Не знаешь ты Замка, – тихо сказал хозяин.

– Конечно, – сказал К., – заранее судить не стоит. О Замке я покамест знаю только то, что там умеют подобрать для себя хороших землемеров. Но возможно, там есть и другие преимущества. – И К. встал, чтобы освободить от своего присутствия хозяина, беспокойно кусавшего губы. Не так-то легко было завоевать доверие этого человека.

Выходя, К. обратил внимание на темный портрет в темной раме, висевший на стене. Он заметил его и раньше, со своего тюфяка, но издали не разглядел как следует и подумал, что картина была вынута из рамы и осталась только черная доска. Но теперь он увидел, что это был портрет, поясной портрет мужчины лет пятидесяти. Его голова была опущена так низко, что глаз почти не было видно и четко выделялся только высокий выпуклый лоб да крупный крючковатый нос. Широкая борода, прижатая к груди подбородком, резко выдавалась вперед. Левая рука была запущена в густые волосы, но поднять голову кверху никак не могла.

– Кто такой? – спросил К. – Граф?

– Нет, – сказал хозяин, – это кастелян.

– Красивый у них в Замке кастелян, сразу видно, – сказал К., – жаль только, что сын у него неудачный.

– Нет, – сказал хозяин, притянул к себе К. и зашептал ему в ухо: – Шварцер вчера наговорил лишнего, его отец всего лишь помощник кастеляна, да и то из самых низших.

К. показалось, что в эту минуту хозяин стал похож на ребенка.

– Каков негодяй! – засмеялся К., но хозяину было, очевидно, не до смеха.

– Его отец тоже человек могущественный! – сказал он.

– Брось! – сказал К. – Ты всех считаешь могущественными. Наверно, и меня тоже?

– Тебя? – сказал тот робко, но решительно. – Нет, тебя я могущественным не считаю.

– Однако ты неплохо все подмечаешь, – сказал К. – Откровенно говоря, никакого могущества у меня действительно нет. Должно быть, оттого я не меньше тебя уважаю всякую власть, только я не так откровенен, как ты, и не всегда желаю в этом сознаваться.

И К. слегка похлопал хозяина по щеке – хотелось и утешить его, и снискать больше доверия к себе. Тот смущенно улыбнулся. Он и вправду был похож на мальчишку – лицо мягкое, почти безбородое. И как это ему досталась такая толстая, немолодая жена – через оконце в стене было видно, как она, широко расставив локти, хозяйничает на кухне. Но К. не хотел сейчас расспрашивать хозяина, боясь прогнать эту улыбку, вызванную с таким трудом. Он только кивком попросил открыть ему двери и вышел в погожее зимнее утро.

Теперь весь Замок ясно вырисовывался в прозрачном воздухе, и от тонкого снежного покрова, целиком одевавшего его, все формы и линии выступали еще отчетливее. Вообще же там, на горе, снега как будто было меньше, чем тут, в Деревне, где К. пробирался с не меньшим трудом, чем вчера по дороге. Тут снег подступал к самым окнам избышек, навстречу тяжело нависали с низких крыш сугробы, а там, на горе, все высилось свободно и легко – так по крайней мере казалось снизу.

Весь Замок, каким он виделся издалека, вполне соответствовал ожиданиям К. Это была и не старинная рыцарская крепость, и не роскошный новый дворец, а целый ряд строений, состоящий из нескольких двухэтажных и множества тесно прижавшихся друг к другу низких зданий, и, если не знать, что это Замок, можно было бы принять его за городок. К. увидел только одну башню, то ли над жилым помещением, то ли над церковью – разобрать было нельзя. Стаи ворон кружились над башней.

К. шел вперед, не сводя глаз с Замка, – ничто другое его не интересовало. Но чем ближе он подходил, тем больше разочаровывал его Замок, уже казавшийся просто жалким городком, чьи домишки отличались от изб только тем, что были построены из камня, да и то штукатурка на них давно отлепилась, а каменная кладка явно крошилась. Мельком припомнил свой родной городок; он был ничуть не хуже этого так называемого Замка. Если бы К. приехал лишь для его осмотра, то жалко было бы проделанного пути, и куда умнее было бы снова навестить далекий родной край, где он так давно не бывал. И К. мысленно сравнил церковную башню родного города с этой башней наверху. Та башня четкая, бестрепетно идущая кверху, с широкой кровлей, крытой красной черепицей, вся земная – разве можем мы строить иначе? – но устремленная выше, чем приземистые домишки, более праздничная, чем их тусклые будни. А эта башня наверху – единственная, какую он заметил, башня жилого дома, как теперь оказалось, а быть может, и главная башня Замка – представляла собой однообразное круглое строение, кое-где словно из жалости прикрытое плющом, с маленькими окнами, посверкивающими сейчас на солнце – в этом было что-то безумное, – и с выступающим карнизом, чьи зубцы, неустойчивые, неровные и ломкие, словно нарисованные пугливой и небрежной детской рукой, врезались в синее небо. Казалось, будто какой-то унылый жилец, которому лучше всего было бы запереться в самом дальнем углу дома, вдруг пробил крышу и высунулся наружу, чтобы показаться всему свету.

К. снова остановился, как будто так, не на ходу, ему было легче судить о том, что он видел. Но ему помешали. За сельской церковью, где он остановился, – в сущности, это была скорее часовня с пристройкой вроде амбара, где можно было вместить всех прихожан, – стояла школа. Длинный низкий дом – странное сочетание чего-то наспех сколоченного и вместе с тем древнего – стоял в саду, обнесенном решеткой и утонувшем в снегу. Оттуда как раз выходили дети с учителем. Окружив его тесной толпой и глядя ему в глаза, ребята без умолку болтали наперебой, и К. ничего не понимал в их быстрой речи. Учитель, маленький, узкоплечий человек, держался очень прямо, но не производил смешного впечатления. Он уже издали заме-

тил К. – впрочем, никого, кроме его учеников и К., вокруг не было. Как приезжий, К. поздоровался первым, к тому же у маленького учителя был весьма внушительный вид.

– Добрый день, господин учитель, – сказал К.

Словно по команде, дети сразу замолчали, и эта внезапная тишина в ожидании его слов как-то расположила учителя.

– Рассматриваете Замок? – спросил он мягче, чем ожидал К., однако таким тоном, словно он не одобрял поведения К.

– Да, – сказал К. – Я приезжий, только со вчерашнего вечера тут.

– Вам Замок не нравится? – быстро спросил учитель.

– Как вы сказали? – переспросил К. немного растерянно и повторил вопрос учителя, смягчив его: – Нравится ли мне Замок? А почему вы решили, что он мне не понравится?

– Никому из приезжих не нравится, – сказал учитель.

И К., чтобы не сказать лишнего, перевел разговор и спросил:

– Вы, наверно, знаете графа?

– Нет, – ответил учитель и хотел отойти, но К. не уступал и повторил вопрос:

– Как, вы не знаете графа?

– Откуда мне его знать? – тихо сказал учитель и добавил громко по-французски: – Будьте осторожней в присутствии невинных детей.

К. решил, что после этих слов ему можно спросить:

– Вы разрешите как-нибудь зайти к вам, господин учитель? Я приехал сюда надолго и уже чувствую себя несколько одиноким; с крестьянами у меня мало общего и с Замком, очевидно, тоже.

– Между Замком и крестьянами особой разницы нет, – сказал учитель.

– Возможно, – согласился К. – Но в моем положении это ничего не меняет. Можно мне как-нибудь зайти к вам?

– Я живу на Шваненгассе, у мясника, – сказал учитель.

И хотя он скорее просто сообщил свой адрес, чем пригласил к себе, но К. все же сказал:

– Хорошо, я приду.

Учитель кивнул головой и отошел, а дети сразу загалдели. Вскоре они скрылись в круто спускавшемся переулке.

К. не мог сосредоточиться – его расстроил этот разговор. Впервые после приезда он почувствовал настоящую усталость. Дальняя дорога его совсем не утомила, он шел себе и шел, изо дня в день, спокойно, шаг за шагом. А сейчас сказывались последствия сильнейшего переутомления – и очень некстати. Его неудержимо тянуло к новым знакомствам, но каждая новая встреча усугубляла усталость. Нет, будет вполне достаточно, если он в своем теперешнем состоянии заставит себя прогуляться хотя бы до входа в Замок.

Он снова зашагал вперед, но дорога была длинной. Оказалось, что улица – главная улица Деревни – вела не к замковой горе, а только приближалась к ней, но потом, словно нарочно, сворачивала вбок и, не удаляясь от Замка, все же к нему и не приближалась. К. все время ждал, что наконец дорога повернет к Замку, и только из-за этого шел дальше, от усталости он явно боялся сбиться с пути, да к тому же его удивляла величина Деревни; она тянулась без конца – все те же маленькие домишки, заиндедевские окна, и снег, и безлюдье, – тут он внезапно оторвался от цепко державшей его дороги, и его принял узкий переулочек, где снег лежал еще глубже и только с трудом можно было вытаскивать вязнувшие ноги. Пот выступил на лбу у К., и он остановился в изнеможении.

Да, но ведь он был не один, справа и слева стояли крестьянские избы. Он слепил снежок и бросил его в окошко. Тотчас же отворилась дверь – первая открывшаяся дверь за всю дорогу по Деревне, – и старый крестьянин в коричневом кожухе, приветливо и робко склонив голову к плечу, вышел ему навстречу.

– Можно мне ненадолго зайти к вам? – сказал К. – Я очень устал. – Он не расслышал, что ответил старик, но с благодарностью увидел, что тот подложил доску, чтобы он мог выбраться из глубокого снега, и, шагнув по ней, К. очутился в горнице.

Большая сумрачная комната. Войдя со свету, сразу ничего нельзя было увидеть. К. наткнулся на корыто, женская рука отвела его. В одном углу громко кричали дети. Из другого валил густой пар, от которого полутьма сгущалась в полную темноту. К. стоял, словно окутанный облаками.

– Да он пьян, – сказал кто-то.

– Вы кто такой? – властно крикнул чей-то голос и, обращаясь, как видно, к старику, добавил: – Зачем ты его впустил? Всех, что ли, впускать, кто шляется по дороге?

– Я графский землемер, – сказал К., как бы пытаясь оправдаться перед тем, кого он все еще не видел.

– Ах, это землемер, – сказал женский голос, и сразу наступила полнейшая тишина.

– Вы меня знаете? – спросил К.

– Конечно, – коротко бросил тот же голос. Но то, что они знали К., как видно, не шло ему на пользу.

Наконец пар немного рассеялся, и К. стал постепенно присматриваться. Очевидно, у них был банный день. У дверей стирали. Но пар шел из другого угла, где в огромной деревянной лохани – таких К. не видел, она была величиной с двуспальную кровать – в горячей воде мылись двое мужчин. Но еще неожиданнее – хотя трудно было сказать, в чем заключалась эта неожиданность, – оказалось то, что виднелось в правом углу. Из большого окна – единственного в задней стене горницы – со двора падал бледный нежный свет, придавая шелковистый отблеск платью женщины, устало полулежавшей в высоком кресле. К ее груди прильнул младенец. Около нее играли дети, явно крестьянские ребята, но она как будто была не из этой среды. Правда, от болезни и усталости даже крестьянские лица становятся утонченней.

– Садитесь! – сказал один из мужчин, круглобродый, да еще с нависшими усами – он все время отдувал их с губ, пыхтя и разевая рот, – обдав ему все лицо теплой водой. На сундуке в сумрачном раздумье уже сидел старик, впустивший К., и К. обрадовался, что наконец можно сесть. Больше на него никто не обращал внимания. Молодая женщина, стиравшая в корыте, светловолосая, в расцвете молодости, тихо напевала, мужчины крутились и вертелись в лохани; ребята все время лезли к ним, но их отгоняли, свирепо брызгая в них водой, попадавшей и на К.; женщина в кресле замерла, как неживая, и смотрела не на младенца у груди, а куда-то вверх.

Верно, К. долго глядел на эту неподвижную, грустную и прекрасную картину, но потом, должно быть, заснул, потому что, встрепенувшись от громкого окрика, он почувствовал, что лежит головой на плече у старика, сидевшего рядом. Мужчины уже вымылись и стояли одетые около К., а в лохани теперь плескались ребята под присмотром белокурой женщины. Выяснилось, что крикливый бородач не самый главный из двоих. Второй, хоть и ростом не выше, и с гораздо менее густой бородой, оказался тихим, медлительным, широкоплечим человеком со скуластым лицом; он стоял, опустив голову.

– Господин землемер, – сказал он, – вам тут оставаться нельзя. Простите за невежливость.

– Я и не думал оставаться, – сказал К. – Хотел только передохнуть немного. Теперь отдохнул и могу уйти.

– Наверно, вас удивляет негостеприимство, – сказал тот, – но гостеприимство у нас не в обычае, нам гостей не надо.

Освеженный недолгим сном и снова сосредоточившись, К. обрадовался откровенным словам. Он двигался свободнее, прошелся, опираясь на свою палку, взад и вперед, даже подошел к женщине в кресле, ощущая, что он ростом выше всех остальных.

– Правильно, – сказал К. – Зачем вам гости? Но изредка человек может и понадобиться, например землемер, такой, как я.

– Мне это неизвестно, – медленно сказал тот. – Если вас вызвали, значит, вы понадобились; наверно, это исключение, но мы, мы люди маленькие, живем по закону, вам за это на нас обижаться не следует.

– Нет-нет, – сказал К. – Я вам только благодарен, и вам лично, и всем присутствующим. – И неожиданно для всех К. буквально подпрыгнул на месте, перевернулся и очутился перед женщиной в кресле. Усталые голубые глаза поднялись на него. Прозрачный шелковый платочек до половины прикрывал лоб, младенец спал у нее на груди.

– Кто ты? – спросил К.

И с пренебрежением к самому ли К. или к своим словам она бросила:

– Я служанка из Замка.

Но не прошло и секунды, как слева и справа К. схватили двое мужчин и молча, словно другого способа объясниться не было, с силой потащили его к дверям. Старик чему-то вдруг обрадовался и захлопал в ладоши. И прачка засмеялась вместе с загалдевшими вдруг ребятами.

К. так и остался стоять на улице, мужчины следили за ним с порога. Снова пошел снег, но как будто стало светлее.

– Куда вы пойдете? – нетерпеливо крикнул круглобородый. – Туда – путь к Замку, сюда – в Деревню.

Но К. спросил не у него, а у того, второго, который, несмотря на свою замкнутость, казался ему обходительнее:

– Кто вы такие? Кого мне благодарить за отдых?

– Я дубильщик Лаземан, – ответил тот. – А благодарить вам никого не надо.

– Прекрасно, – сказал К. – Надеюсь, мы еще встретимся.

– Вряд ли, – сказал мужчина.

И в эту минуту круглобородый, подняв руку, закричал:

– Здравóво, Артур, здорóво, Иеремия!

К. обернулся: значит, в этой Деревне все же люди выходили на улицу. По дороге от Замка шли два молодых человека среднего роста, оба очень стройные, в облегающих костюмах и даже лицом очень похожие. Цвет лица у них был смуглый, а острые бородки такой черноты, что выделялись даже на смуглых лицах. Несмотря на трудную дорогу, они шли удивительно быстро, выбрасывая в такт стройные ноги.

– Вы зачем сюда? – крикнул бородач.

– Дела! – смеясь, крикнули те.

– Где?

– На постоялом дворе!

– И мне туда! – закричал К. громче всех, ему ужасно захотелось, чтобы эти двое взяли его с собой. И хотя знакомство с ними ничего особенного не сулило, но они наверняка были бы славными, бодрыми спутниками. Они услышали слова К., но только кивнули ему и сразу исчезли вдали.

К. все еще стоял в снегу, у него не было охоты вытаскивать оттуда ногу, чтобы тут же погрузить ее в сугроб; дубильщик с товарищем, довольные тем, что окончательно избавились от К., медленно протискивались в дом сквозь неплотно прикрытую дверь, то и дело оглядываясь на К., и К. наконец остался один в глубоком снегу. «Пожалуй, была бы причина слегка расстроиться, – подумал К., – если бы я сюда попал случайно, а не нарочно».

Вдруг с левой стороны домишка открылось крохотное оконце; оно казалось темно-синим, пока было закрыто, – очевидно, при отблеске снега – и было таким крошечным, что сейчас в нем виднелось не все лицо того, кто выглядывал, а только глаза – стариковские карие глаза.

– Вот он стоит, – услышал К. дрожащий женский голос.

– Это землемер, – сказал мужской голос. Потом мужчина подошел к окошку и добавил без враждебности, но все же так, словно был озабочен, как бы не нарушился порядок перед его домом: – Кого вы ждете?

– Жду, пока какие-нибудь сани меня не захватят, – сказал К.

– Тут сани не проезжают, – сказал мужчина, – тут дорога непроезжая.

– Но ведь это дорога в Замок?

– И все же тут дорога непроезжая, – повторил мужчина с какой-то настойчивостью. Оба замолчали. Но мужчина, очевидно, что-то решал, потому что не захлопывал оконца, оттуда шел дымок.

– Дорога скверная, – сказал К., поддерживая разговор.

Но тот только сказал:

– Да, конечно. – Помолчав, он все же добавил: – Если хотите, я вас довезу на санках.

– Пожалуйста, довезите! – обрадовался К. – Сколько вы с меня возьмете?

– Ничего, – сказал мужчина. К. очень удивился. – Вы ведь землемер, – объяснил мужчина, – вы имеете отношение к Замку. Куда же вы хотите ехать?

– В Замок, – ответил К.

– Тогда я не поеду, – сразу сказал мужчина.

– Но я же имею отношение к Замку, – сказал К., повторяя слова мужчины.

– Возможно, – уклончиво сказал тот.

– Тогда отвезите меня на постоянный двор, – сказал К.

– Хорошо, – сказал мужчина, – сейчас выведу сани.

Видно, тут дело было не в особой любезности, а, скорее, в эгоистичном, тревожном, почти педантическом стремлении поскорее убрать К. с улицы перед домом.

Открылись ворота, и выехали маленькие санки для легких грузов, совершенно плоские, без всякого сиденья, запряженные тощей лошадежкой, за ними шел согнувшийся малорослый хромоус человек с изможденным, красным, слезящимся лицом, которое казалось совсем крошечным в складках толстого шерстяного платка, накрученного на голову. Человек был явно болен и, очевидно, вышел на улицу только для того, чтобы отвезти К. Так К. ему и сказал, но тот отмахнулся. К. услышал только, что он возница Герстекер и взял эти неудобные санки потому, что они стояли наготове, а вывозить другие было бы слишком долго.

– Садитесь, – сказал он, ткнув кнутом в задок саней.

– Я сяду с вами рядом, – ответил К.

– А я пешком, – сказал Герстекер.

– Почему? – спросил К.

– Я пешком, – повторил Герстекер, и вдруг его так стал колотить кашель, что пришлось упереться ногами в снег, а руками – в край санок, чтобы не упасть. К., ничего не говоря, сел в санки сзади, кашель постепенно утих, и они тронулись.

Замок наверху, странно потемневший, куда К. сегодня и не надеялся добраться, отдавался все больше и больше. И, словно подавая знак и ненадолго прощаясь, оттуда прозвучал колокол, радостно и окрыленно, и от этого колокольного звона на миг вздрогнуло сердце, словно в боязни – ведь и тоской звенел колокол, – а вдруг исполнится то, к чему так робко оно стремилось. Но большой колокол вскоре умолк, его сменил слабый однотонный колокольчик, то ли оттуда сверху, то ли уже из Деревни. И этот перезвон как-то лучше подходил к медленному скольжению саней и унылому, но безжалостному вознице.

– Слушай! – крикнул вдруг К.; они уже подъезжали к церкви, постоянный двор был недалеко, и К. немного осмелел. – Я все удивляюсь, что ты под свою ответственность решаешься меня везти, разве тебе это разрешено?

Но Герстекер не обратил никакого внимания и спокойно шагал рядом с лошадежкой.

– Эй! – крикнул К. и, собрав в санях горсть снега, угодил снежком прямо в ухо Герстекеру.

Тот остановился и обернулся назад; и когда К. увидел его так близко перед собой – санки проползли только шаг, – увидел эту согнутую, чем-то искаленную фигуру, воспаленное, усталое, худое лицо с какими-то разными щеками – одна плоская, другая запавшая, – полуоткрытый растерянный рот, где торчало всего несколько зубов, он повторил ехидный вопрос уже с состраданием: не достанется ли Герстекеру за то, что он отвез К.?

– Чего тебе надо? – непонятливо спросил Герстекер и, не ожидая объяснений, крикнул на лошаденку, и они поехали дальше.

Когда они – К. узнал знакомый поворот – уже почти добрались до постоянного двора, там была полнейшая темнота, чему К. очень удивился. Неужели он так долго отсутствовал? Всего час-другой, по его расчетам, да и вышел он с самого утра, и есть ему совсем не хотелось, и еще недавно стоял совсем светлый день, и вдруг такая тьма. «Коротки дни, коротки», – сказал он про себя и, соскочив с санок, пошел к постоянному двору.

К счастью, на верхней ступеньке крыльца стоял хозяин, светя ему навстречу высоко поднятым фонарем. Мимоходом вспомнив о вознице, К. приостановился, но кашель донесся откуда-то из темноты, – видно, тот уже ушел. Ничего, наверно, скоро они где-нибудь встретятся. Только поднявшись на крыльцо к хозяину, подобострастно поздоровавшемуся с ним, К. увидел по обеим сторонам двери двух человек. Он взял фонарь из рук хозяина и посветил на них: это оказались те двое, которых он уже видел, их еще называли Иеремия и Артур. Они откозыряли ему. К. вспомнил военную службу – самые счастливые годы жизни – и засмеялся.

– Кто вы такие? – спросил он, оглядывая их обоих.

– Ваши помощники, – ответили они.

– Да, помощники, – негромко подтвердил хозяин.

– Как? – спросил К. – Вы – мои старые помощники? Это вам я велел ехать за мной, это вас я ждал?

– Да, – сказали они.

– Это хорошо, – сказал К., помолчав, – хорошо, что вы приехали. Однако, – добавил он, немного помолчав, – вы сильно запоздали, вы очень неаккуратны.

– Дорога была дальняя, – сказал один из них.

– Дорога дальняя? – повторил К. – Но ведь я вас встретил, когда вы шли из Замка.

– Да, – сказали оба, но ничего не объяснили.

– А где у вас инструменты? – спросил К.

– У нас их нет, – ответили оба.

– Как? Инструменты, которые я вам доверил? – сказал К.

– У нас их нет, – повторили они.

– Ну что вы за люди! – сказал К. – Да знаете ли вы толк в землемерных работах?

– Нет, – сказали оба.

– Но если вы мои прежние помощники, вы должны все уметь, – сказал К. Они промолчали. – Ну, пойдемте! – сказал К. и втолкнул их в дом.

2. Варнава

Они сели втроем у маленького столика в зале и молча стали пить пиво. К. сидел посредине, оба помощника – справа и слева. В зале, как и вчера вечером, только еще за одним столом сидели крестьяне.

– Трудно мне будет с вами, – сказал К., все время сравнивая лица своих помощников, – ну как мне вас отличать? Ведь вы только именами и отличаетесь, а вообще похожи, как... – Он запнулся и нечаянно добавил: – Похожи, как две змеи.

Помощники усмехнулись.

– Обычно нас легко различают, – как бы оправдываясь, сказал один.

– Верю, – сказал К., – сам был тому свидетелем, но у меня-то глаза свои, а мне вас никак не различить. Буду обращаться с вами как с одним человеком и звать обоих буду Артур, одного из вас ведь так и зовут, тебя, что ли?

– Нет, – сказал тот, – меня звать Иеремия.

– Не важно, – сказал К., – все равно буду обоих звать Артур. Пошлю куда-нибудь Артура – вы оба и пойдете, поручу Артуру работу – оба за нее возьметесь, конечно, мне очень невыгодно, что я не могу вас использовать на разных работах, но зато удобно: за все, что я вам поручу, будете нести ответственность вместе, нераздельно. Как вы работу поделите – мне безразлично, только никаких отговорок от каждого в отдельности я не приму, вы для меня – один человек.

Оба подумали и сказали:

– Нам это будет очень неприятно.

– Еще бы! – сказал К. – Конечно, вам должно быть неприятно, но так оно и будет!

Уже несколько минут К. наблюдал, как вокруг их столика крадучись бродит один из крестьян, и, вдруг решившись, он подошел к одному из помощников и хотел что-то шепнуть ему на ухо.

– Простите, – сказал К. и, хлопнув рукой по столу, встал, – это мои помощники, у нас сейчас совещание. Никто не имеет права нам мешать!

– Ох, виноват, виноват! – испуганно проговорил крестьянин и задом попятился к своим товарищам.

– Одно вы должны строго соблюдать, – сказал К., снова садясь на место, – ни с кем без моего позволения вы разговаривать не должны. Я здесь чужой, а раз вы – мои старые помощники, то и вы тут чужие. Поэтому мы, трое чужаков, должны держаться вместе. По рукам, что ли?

Оба с готовностью протянули ему руки.

– Лапы уберите, – сказал К., – а мой приказ остается в силе. Теперь я пойду сосну, да и вам советую лечь. Сегодня у нас пропал рабочий день, а завтра надо начинать пораньше. Достаньте сани, на них поедem в Замок, и чтобы к шести утра сани стояли перед домом.

– Хорошо, – сказал один, но второй вмешался:

– Ты говоришь «хорошо», а сам знаешь, что это невозможно.

– Тихо! – сказал К. – Вы, кажется, затеяли действовать вразнобой?

Но тут снова заговорил первый:

– Он прав, это невозможно, в Замок посторонним без разрешения доступа нет.

– А где брать разрешение?

– Не знаю, может, у кастеляна.

– Что же, будем звонить по телефону. А ну-ка, вы оба, звоните сейчас же кастеляну.

Оба бросились к телефону, вызвали номер – как они суетились, всем видом выражая послушание! – и спросили, можно ли К. с ними вместе завтра утром явиться в Замок.

– Нет! – прозвучало так громко, что донеслось до столика К. Ответ был еще решительнее, там добавили: – Ни завтра, ни в другой день.

– Сам поговорю, – сказал К., вставая.

И хотя и К., и его помощники до сих пор особого интереса не возбуждали – не считая случая с тем крестьянином, – его последние слова вызвали всеобщее внимание. Все встали вместе с К., и, хотя хозяин старался их оттеснить, все столпились вокруг телефона. Большинство высказывало мнение, что К. вообще никакого ответа не получит. К. должен был попросить их замолчать, их мнения он вовсе не спрашивал.

В трубке послышалось гудение – такого К. никогда по телефону не слышал. Казалось, что гул бесчисленных детских голосов – впрочем, это гудение походило не на гул, а скорее на пение далеких, очень-очень далеких голосов, – казалось, что это гудение каким-то совершенно непостижимым образом сливалось в единственный высокий и все же мощный голос, он бил в ухо, словно стараясь проникнуть не только в жалкий слух, но и куда-то глубже. К. слушал, не говоря ни слова, упершись левым локтем в подставку от телефона, и слушал, слушал...

Он не знал, как долго это длилось, но тут хозяин, дернув его за куртку, прошептал, что к нему пришел посыльный.

– Уйди! – не сдерживаясь, крикнул К., очевидно, прямо в телефонную трубку, потому что ему тут же ответили. И произошел следующий разговор.

– Освальд слушает, кто говорит? – крикнул строгий, надменный голос.

К. послышался какой-то дефект речи, который старались выправить излишней напускной строгостью. Назвать себя К. не решался, перед телефоном он чувствовал себя беспомощным, на него могли наорать, бросить трубку; К. закрыл себе немаловажный путь. Нерешительность К. раздражала его собеседника.

– Кто говорит? – повторил он и добавил: – Я был бы очень обязан, если бы оттуда меньше звонили, только что нас уже вызывали.

К. не обратил внимания на эти слова и, внезапно решившись, доложил:

– Говорит помощник господина землемера.

– Какой помощник? Какой господин? Какой землемер?

К. вдруг вспомнил вчерашний разговор по телефону.

– Спросите Фрица, – отчеканил он. К собственному его удивлению, это помогло. Но еще больше, чем этому, удивился он единству тамошней службы. Ему сразу ответили:

– Знаю. Вечно этот землемер. Да, да! А дальше что? Какой еще помощник?

– Йозеф! – сказал ему К. Ему очень мешало перешептывание крестьян за спиной, они, очевидно, были против того, что он неправильно доложил о себе. Но ему некогда было с ними препираться, разговор поглощал все его внимание.

– Йозеф? – переспросили оттуда. – Но ведь помощников зовут... – маленькая пауза, как видно, там справлялись у кого-то об именах, – Артур и Иеремия.

– Это новые помощники, – сказал К.

– Да нет же, это старые.

– Нет, новые, а вот я старый, я приехал сегодня вслед за господином землемером.

– Нет! – крикнули в трубку.

– Так кто же я такой? – спросил К. все с тем же спокойствием.

Наступила небольшая пауза, и тот же человек, с тем же недостатком речи, но совсем другим, глубоким и уважительным, голосом проговорил:

– Ты старый помощник.

Вслушиваясь в этот голос, К. чуть не пропустил вопрос.

– А что тебе нужно?

Охотнее всего он положил бы трубку. От этих переговоров он все равно ничего не ждал. Но тут он был вынужден что-то сказать и торопливо спросил:

- А когда моему хозяину можно будет прийти в Замок?
- Никогда! – прозвучал ответ.
- Хорошо, – сказал К. и повесил трубку.

Крестьяне, стоявшие сзади, придвинулись совсем вплотную. Помощники, искоса поглядывая на него, были заняты тем, чтобы не подпускать крестьян слишком близко. Но делалось это явно для виду, да и сами крестьяне, удовлетворенные исходом разговора, медленно отступали. Вдруг в их толпу сзади быстрыми шагами врезался какой-то человек и, поклонившись К., передал ему письмо. Держа письмо в руке, К. оглядел посланца – ему это показалось важнее. Между ним и помощниками было большое сходство, он был так же строен, в таком же облегающем платье, так же быстр и ловок в движениях, как они, и вместе с тем он был совершенно другой. Лучше бы он достался К. в помощники! Чем-то он ему напоминал женщину с грудным младенцем, которую он видел у дубильщика. Одет он был почти что во все белое, и хотя платье было не из шелка – как и все другие, он был в зимнем, – но по мягкости, по праздничности это платье напоминало шелк. Лицо у него было светлое, открытое, глаза сверхъестественно большие. Улыбался он необыкновенно приветливо; он провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть эту улыбку, но ничего не вышло.

- Кто ты такой? – спросил К.
- Зовут меня Варнава, – сказал тот. – Я посыльный.

Мужественно и вместе с тем нежно раскрывались и смыкались его губы, складывая слова.

– Тебе здесь нравится? – спросил К. и показал на крестьян, он еще не потерял интереса к ним с их словно нарочно исковерканными физиономиями – казалось, их били по черепу сверху, до уплощения, и черты лица формировались под влиянием боли от этого битья, – теперь они, приоткрыв отекавшие губы, то смотрели на него, то не смотрели, иногда их взгляды блуждали по сторонам и останавливались где попало, уставившись на какой-нибудь предмет; и еще К. показал Варнаве на своих помощников – те стояли обнявшись, щекой к щеке, и посмеивались, то ли застенчиво, то ли с издевкой, и К. обвел всех их рукой, словно представляя свою свиту, навязанную ему обстоятельствами, и ожидая – этого доверия и добивался К., – чтобы Варнава раз и навсегда увидел разницу между ними и самим К. Но Варнава с полнейшим простодушием – это сразу было видно – совсем не понял, что хотел сказать К.; он лишь воспринял жест К., как благовоспитанный слуга воспринимает каждое слово хозяина, даже непосредственно его не касающееся, и в ответ только послушно оглядел всех вокруг, помахал рукой знакомым крестьянам, обменялся несколькими словами с помощниками – и все это свободно, непринужденно, не держась ото всех особняком. И К., как бы поставленный на место, но не пристыженный, вспомнил о письме, которое он все еще держал в руках, и распечатал его. В письме стояло: «Многоуважаемый господин! Как вам известно, вы приняты на службу к владельцу Замка. Вашим непосредственным начальником является сельский староста, который сообщит вам все ближайшие подробности о вашей работе и об условиях оплаты, перед ним же вы должны будете отчитываться. Вместе с тем и я постараюсь не терять вас из виду. Податель сего письма, Варнава, будет время от времени справляться о ваших пожеланиях и докладывать об этом мне. Вы встретите с моей стороны постоянную готовность по возможности идти вам навстречу. Я заинтересован, чтобы мои работники были довольны». Дальше шла неразборчивая подпись, но рядом печатными буквами стояло: «Начальник Н-ской канцелярии».

– погоди! – сказал К. склонившемуся в поклоне Варнаве и кликнул хозяина, чтобы ему отвели комнату, – ему хотелось наедине разобраться в письме. При этом он вспомнил, что при всей симпатии, какую он почувствовал к Варнаве, тот был всего лишь посыльным, и велел подать ему пива. К. проследил, как он это примет, но тот взял пиво с явным удовольствием и сразу выпил. К. пошел за хозяином. В этом домишке для К. не нашлось ничего, кроме чердачной каморки, да и это вызвало осложнения, потому что пришлось куда-то переселять двух слуганок, спавших там до сих пор. Собственно говоря, там больше ничего не сделали, только

выселили служанок; комната была не убрана, даже единственная кровать не постлана, на ней лежали лишь пара одеял да попоны, оставшиеся с прошлой ночи. На стенах висело несколько религиозных картинок и фотографий солдат. Даже проветривать каморку не стали – видно, понадеялись, что новый постоялец надолго не задержится, и ничего не сделали, чтобы его удержать. Но К. был на все готов, он завернулся в одеяло, сел к столу и при свече стал перечитывать письмо.

Письмо было неодинаковое, в некоторых фразах к нему обращались как к свободному человеку, чью личную волю признают, – это выражалось в обращении и в той фразе, где говорилось о его пожеланиях. Но были такие выражения, в которых к нему скрыто или явно относились как к ничтожному, почти незаметному с высокого поста работнику, будто высокому начальству приходилось делать усилие, чтобы «не терять его из виду», а непосредственным его начальником оказался сельский староста, ему надо было даже отчитываться перед ним. И, чего доброго, его единственным сослуживцем станет сельский полицейский! Тут, безусловно, крылись противоречия настолько явные, что их, без сомнения, внесли в письмо нарочно. К. сразу отбросил безумную по отношению к столь высокой инстанции мысль, что у них были какие-то колебания. Скорее он видел тут открыто предложенный ему выбор – ему предоставлялось сделать свои выводы из содержания письма: желает ли он стать работником в Деревне, с постоянно подчеркиваемой, но на самом деле только кажущейся связью с Замок, или же он хочет только внешне считаться работником Деревни, а на самом деле всю свою работу согласовывать с указаниями из Замка, передаваемыми Варнавой. К. не задумывался – выбор был ясен, он бы сразу решился, даже если бы за это время ничего не узнал. Только работая в Деревне, возможно дальше от чиновников Замка, сможет он хоть чего-то добиться в Замке, да и те жители Деревни, которые пока еще так недоверчиво к нему относились, заговорят с ним иначе, когда он станет если не их другом, то хотя бы их односельчанином, и когда он перестанет отличаться от Герстекера или Лаземана – а такая перемена должна наступить как можно скорее, от этого все зависело, – тогда перед ним сразу откроются все пути, которые были для него не только заказаны, но и незримы, если бы он рассчитывал на господ оттуда, сверху, и на их милость. Правда, тут таилась одна опасность, и в письме она была достаточно подчеркнута, даже с некоторым злорадством, словно избежать ее было невозможно. Это – положение рабочего. Служба, начальник, условия заработной платы, отчетность, работник – этими словами так и пестрело письмо, и даже когда речь шла о чем-то более личном, все равно и об этом говорилось с той же точки зрения. Если К. захочет стать рабочим, он может им стать, но уж тогда бесповоротно и всерьез, без всяких других перспектив. К. понимал, что никакой прямой угрозы тут нет, этого он не боялся, но, конечно, его удручала обстановка, привычка к постоянным разочарованиям, тяжелое, хоть и незаметное, влияние каждой прожитой так минуты, и с этой опасностью он должен был вступить в борьбу. Письмо не обходило молчанием, что если этой борьбе суждено начаться, то К. уже имел смелость в нее вступить: сказано об этом было с тонкостью, и только человек с беспокойной совестью – именно беспокойной, а не нечистой! – мог это вычитать в трех словах, касавшихся его приема на работу: «как вам известно». К. доложил о себе, и с этого момента, говорилось в письме, он, как ему известно, был принят.

Сняв одну из картинок со стены, К. повесил письмо на гвоздик; в этой каморке ему жить, тут пусть и висит письмо.

Затем он спустился в зал. Варнава сидел с помощниками за столиком.

– Ага, вот ты где, – сказал К. без всякого повода – он просто обрадовался, увидев Варнаву.

Тот сразу вскочил. И все крестьяне тоже вскочили с мест при входе К. и стеснились вокруг него, видно, у них уже вошло в привычку ходить за ним по пятам.

– Чего вам от меня нужно? – крикнул К.

Они не рассердились и медленно вернулись на свои места. Отходя, один из них сказал, как бы в объяснение, мимоходом, с непонятной усмешкой, отразившейся и на других лицах:

– Того и гляди услышишь какую-нибудь новость, – и облизнулся, как будто новость можно было съесть.

К. воздержался от дружеского слова, ему нравилось, что он внушал к себе уважение, но стоило ему сесть рядом с Варнавой, как он почувствовал, что кто-то дышит ему в затылок: крестьянин сказал, что пришел взять соль. Но К. так на него топнул, что тот убежал без солонки. Было действительно нетрудно вывести К. из себя, стоило только напустить на него этих крестьян, их упрямое участие казалось еще хуже, чем замкнутость других, и кроме того, они были достаточно замкнуты: если бы К. сел к их столу, они бы немедленно поднялись и ушли. Только присутствие Варнавы мешало ему учинить скандал. Все же он угрожающе повернулся к ним, да и все они повернулись к нему. Но когда он увидел, как они все сидят, каждый на своем месте, не разговаривая друг с другом, без всякого видимого общения, связанные только тем, что все они не спускали с него глаз, ему показалось, что они преследуют его вовсе не из злого умысла; может быть, они и вправду хотели от него чего-то добиться, только сказать не умели, а может быть, все это было простым ребячеством, которое тут как будто всем было свойственно: разве не ребячливо вел себя сам хозяин – держа обеими руками стакан пива, предназначенный одному из посетителей, он устался на К. и не слышал оклика хозяйки, высунувшейся из кухонного окошечка.

Уже спокойнее обратился К. к Варнаве. Он охотно удалил бы своих помощников, но не мог найти предлог. Впрочем, они молча уткнули глаза в свое пиво.

– Насчет письма, – сказал К. – Я его прочел. Ты знаешь содержание?

– Нет, – сказал Варнава, и его взгляд говорил больше, чем его ответ. Может быть, К. ошибочно видел в нем слишком много хорошего, как в крестьянах – плохое, но ему было приятно его присутствие.

– Там и о тебе идет речь – тебе придется время от времени передавать сведения от меня начальству и обратно, потому я и решил, что ты знаешь содержание письма.

– Мне только поручили передать письмо, – сказал Варнава, – и дожидаться, пока его прочтут; если тебе понадобится – отнести устный или письменный ответ.

– Отлично, – сказал К., – в письменном ответе нужды нет, передай господину начальнику – кстати, как его звать? Подпись я не разобрал.

– Кламм, – ответил Варнава.

– Так вот, передай господину Кламму мою благодарность за прием, а также за его исключительную любезность. Как человек, еще ничем себя не зарекомендовавший, я особенно это ценю. Я готов безоговорочно подчиниться его указаниям. Никаких особых желаний у меня нет.

Варнава выслушал все внимательно и попросил разрешения повторить поручение. К. разрешил, Варнава все повторил слово в слово. Потом он встал и хотел попрощаться.

К. все время всматривался в его лицо, а тут он посмотрел на него пристальней. Ростом Варнава был не выше К., и все же казалось, что смотрел он на него сверху, хотя и очень смиренно, – немыслимо было представить себе, чтобы этот человек хотел кого-нибудь унижить. Правда, он был только посыльным, не знал даже содержания письма, порученного ему, но в его взгляде, в улыбке, в походке крылась тоже какая-то весть, хоть он о ней и не подозревал. И К. протянул ему руку, что его явно удивило – он хотел ограничиться простым поклоном.

И как только он вышел – а прежде чем открыть двери, он еще на миг прислонился плечом к косяку и обвел комнату взглядом, ни к кому в отдельности не относившимся, – К. сказал помощникам:

– Сейчас принесу из комнаты свои записи, и обсудим план работы.

Они хотели было пойти с ним, но К. сказал им:

– Оставайтесь.

А когда они все же собрались идти за ним, он повторил приказ еще строже. В прихожей Варнавы уже не было. А ведь он только что вышел. Но и перед домом – снова пошел снег – К. его не увидел. Он крикнул:

– Варнава!

Никакого ответа. Может быть, он еще в доме? Это казалось единственной возможностью. Но все-таки К. изо всех сил окликнул его по имени. Имя громом прокатилось в темноте. И уже издали послышался слабый отклик – так далеко ушел Варнава. К. снова позвал его к себе и сам пошел ему навстречу; когда они встретились, постоянный двор уже не был виден.

– Варнава, – сказал К. и не мог сдержать дрожь в голосе. – Я хотел тебе еще кое-что сказать. По-моему, очень неудачно придумано, что моя связь с Заком зависит только от твоих случайных приходов. И если бы я сейчас тебя не догнал – а ты просто летаешь, я думал, что ты еще в доме, – то кто его знает, сколько мне пришлось бы ждать, пока ты снова появишься.

– Но ведь ты можешь попросить начальника, чтобы я приходил в определенное время, когда ты назначишь, – сказал Варнава.

– И этого недостаточно, – сказал К. – Может быть, мне целый год нечего будет передать, а потом вдруг через четверть часа после твоего ухода возникнет что-нибудь неотложное.

– Так что же, – сказал Варнава, – доложить начальнику, чтобы он наладил с тобой другую связь, не через меня?

– Нет-нет, – сказал К., – вовсе нет, это я так, мимоходом, ведь сейчас, к счастью, я тебя догнал.

– Не вернуться ли нам на постоянный двор, – сказал Варнава, – чтобы ты мне там дал новое поручение? – И он уже шагнул обратно ко двору.

– Не стоит, Варнава, – сказал К., – лучше я провожу тебя немного.

– Почему ты не хочешь вернуться туда? – спросил Варнава.

– Мне там народ мешает, – сказал К. – Ты сам видел, какие они назойливые, эти крестьяне.

– Можно пройти к тебе в комнату, – сказал Варнава.

– Да это каморка для прислуги, – сказал К., – там грязно, душно, для того я и пошел за тобой, чтобы там не сидеть. Только разреши мне, – продолжал К., стараясь побороть смущение, – разреши взять тебя под руку, ты идешь уверенней. – И К. взял его под руку. Было совсем темно, его лица К. не видел, вся его фигура неясно вырисовывалась в темноте, но К. постарался осязательно найти его руку.

Варнава не противился, и они пошли прочь от постоянного двора. Правда, К. чувствовал, что, несмотря на величайшие усилия, он не мог идти в ногу с Варnavой и задерживал его и что в обычной обстановке это незначительное обстоятельство могло бы все погубить, особенно если бы они попали в те проулки, где днем плутал в снегу К. и откуда теперь Варнаве пришлось бы выносить его на руках. Но К. старался не думать об этом, утешенный, кстати, и тем, что Варнава молчал, а раз они не разговаривали, значит, и для Варнавы оставалась только одна цель – идти вместе вперед.

Так они шли, но куда именно – К. не понимал: он ничего не мог узнать. Он даже не знал, прошли они церковь или нет. Приходилось затрачивать столько усилий на ходьбу, что своими мыслями он уже не владел. Вместо того чтобы сосредоточиться на одном, мысли путались в голове. Непрестанно всплывали родные места, воспоминания переполняли его. И там на главной площади тоже стояла церковь, к ней с одной стороны примыкало кладбище, окруженное высокой оградой. Мало кто из мальчишек побывал на этой ограде, и К. еще не удалось туда забраться. Не любопытство гнало туда ребят – никакой тайны для них на кладбище не было. Не раз они туда заходили сквозь решетчатую дверцу, но им очень хотелось одолеть высокую гладкую ограду. И однажды днем – затихшая пустая площадь была залита солнцем, К. никогда ни раньше, ни позже не видел ее такой – ему неожиданно повезло: в том месте, где он так

часто срывался, он с первой попытки залез наверх, держа в зубах флажок. Еще не осыпались камушки из-под ног, а он уже сидел наверху. Он воткнул флажок, ветер натянул материю, он поглядел вниз, и вокруг, и даже через плечо, на ушедшие в землю кресты, и не было на свете никого храбрее, чем он. Случайно проходивший мимо учитель сердитым взглядом согнал К. с ограды. Соскакивая вниз, К. повредил себе колено, с трудом доковылял до дому, но на ограду он все-таки взобрался. Ощущение этой победы, как ему тогда казалось, будет всю жизнь служить ему поддержкой, и это было не так глупо: даже сейчас, через много лет, в снежную ночь, об руку с Варнавой, пришло оно на память.

Он крепче оперся на Варнаву – тот почти тащил его, оба не прерывали молчания. О пройденном пути К. мог судить только по состоянию дороги; ни в какие переулки они не сворачивали. Он решил про себя, что любые трудности, даже страх обратного пути, не заставят его остановиться. Пусть его хоть волоком тащат – у него хватит сил выдержать и это. Неужели дороге нет конца? Днем Замок казался ему легкодоступной целью, а посыльный, наверно, знает самый короткий путь туда.

Вдруг Варнава остановился. Где они? Разве дальше ходу нет? Может быть, Варнава хочет распрощаться с К.? Нет, это ему не удастся. К. так крепко вцепился в руку Варнавы, что ему самому стало больно. Или, может быть, случилось самое невероятное и они уже пришли в Замок или стоят у его ворот? Но, насколько К. понимал, они совсем не подымались в гору. Или Варнава провел его по другой, пологой дороге?

– Где мы? – спросил К. больше про себя, чем вслух.

– Дома, – сказал Варнава так же тихо.

– Дома?

– Смотри не поскользнься, сударь, тут спуск.

– Спуск?

– Тут всего два-три шага, – добавил Варнава и уже стучал в дверь.

Им открыла девушка, и они очутились на пороге большой комнаты, почти в темноте – только над столом, слева в углу, висела крошечная керосиновая лампочка.

– Кто это с тобой, Варнава? – спросила девушка.

– Землемер, – ответил тот.

– Землемер, – громче повторила девушка, обращаясь к сидевшим за столом. Оттуда поднялись двое стариков – мужчина и женщина – и еще одна девушка. Они поздоровались с К. Варнава представил ему всех – это были родители и его сестры, Ольга и Амалия. К. едва взглянул в их сторону. С него сняли мокрое пальто и повесили сушить у печки; К. не сопротивлялся.

Значит, они вовсе не к цели пришли, просто Варнава вернулся к себе домой. Но зачем они зашли к нему? К. отвел Варнаву в сторону и спросил:

– Зачем ты пришел домой? Или вы живете в пределах Замка?

– В пределах Замка, – повторил Варнава, словно не понимая, что говорит К.

– Варнава, – сказал К., – ты же хотел из постоянного двора идти прямо в Замок.

– Нет, сударь, – сказал Варнава, – я хотел идти домой, я только утром хожу в Замок, я там никогда не ночую.

– Вот оно что, – сказал К., – значит, ты не собирался идти в Замок, ты шел сюда? – Улыбка Варнавы показалась ему бледнее, сам он – незначительней. – Почему же ты меня не предупредил?

– Да ты меня и не спрашивал, – сказал Варнава, – ты только хотел дать мне еще поручение, но не в общей комнате и не в своей каморке, вот я и подумал, что тут, у моих родителей, тебе никто не помешает передать мне все, что надо. Сейчас они все выйдут, если ты прикажешь, а если тебе у нас больше нравится, ты и переночевать можешь тут. Разве я что-нибудь сделал не так?

К. ничего ответить не мог. Значит, все это обман, подлый, низкий обман, а К. так ему поддался. Околдовала его узкая, шелковистая куртка Варнавы, а сейчас тот расстегнул пуговицы, и снизу вылезла грубая, грязно-серая, латаная-перелатаная рубаха, обтягивавшая мощную, угловатую, костистую грудь батрака. И вся обстановка не только ничему не противоречила, но еще ухудшала впечатление, и старый подагрик-отец, передвигавшийся скорее ощупью, при помощи рук, медленно шаркая окостеневшими ногами, и мать со сложенными на груди руками, еле-еле семенившая мелкими шажками из-за невероятной своей толщины. Оба они – и отец и мать – сразу, как только К. вошел, двинулись ему навстречу, но все еще никак не могли подойти поближе. Обе сестры – блондинки, похожие друг на друга и на Варнаву, только грубее чертами лица, высокие плотные девки – обступили пришедших, дожидаясь хоть какого-нибудь приветствия от К. Но он ничего не мог выговорить: ему казалось, что тут, в Деревне, каждый человек что-то для него значил, да, наверное, так оно и было, и только эти люди никак его не касались. И если бы он мог самостоятельно найти дорогу на постоялый двор, он тотчас же ушел бы отсюда. Его никак не привлекала возможность пойти в Замок с Варнавой утром. Он хотел бы проникнуть туда вместе с Варнавой незаметно, ночью, да и с тем Варнавой, каким он ему раньше казался, с человеком, который был ему ближе всех, кого он до сих пор здесь встречал и о котором он, кроме того, думал, будто он, вопреки своей скромной с виду должности, тесно связан с Заком. Но с членом подобного семейства, с которым он так неотъемлемо был связан – он уже сидел с ним за столом, – с человеком, которому явно не разрешалось даже ночевать в Замке, с ним об руку среди бела дня явиться в Замок было немыслимо – смешное, безнадежное предприятие.

К. присел на подоконник, решив провести так всю ночь и вообще никаких услуг от этого семейства не принимать. Жители Деревни, которые его прогоняли или испытывали перед ним страх, казались ему гораздо менее опасными: они, в сущности, предоставляли его самому себе и тем помогали внутренне собрать все свои силы, но такие мнимые помощники, которые, вместо того чтобы отвести его в Замок, слегка замаскировавшись, вели к себе домой, такие люди его сбивали с пути, волей или неволей подтачивали его силы. На приглашение сесть к семейному столу К. не обратил внимания и, опустив голову, остался на своем подоконнике.

Тогда Ольга, более мягкая из сестер, даже с некоторой девичьей робостью, встала и, подойдя к К., попросила его к столу. Хлеб и сало уже нарезаны, пиво она сейчас принесет.

– Откуда? – спросил К.

– Из трактира, – сказала она.

К. обрадовался случаю. Он попросил ее не приносить пива, а просто проводить его до постоянного двора, у него там осталась важная работа. Однако выяснилось, что она собирается идти не так далеко, не на его постоянный двор, а в другую, гораздо более близкую гостиницу «Господский двор». Но К. все же попросился проводить ее, быть может, подумал он, там найдется место переночевать: какое бы оно ни было, он предпочел бы его самой лучшей кровати в этом доме. Ольга ответила не сразу и оглянулась на стол. Ее брат встал, кивнул с готовностью и сказал:

– Что же, если господину так угодно!

Это согласие едва не заставило К. отказаться от своей просьбы: если Варнава соглашается, значит, это бесполезно. Но когда начали обсуждать, впустят ли К. вообще в гостиницу, и все высказали сомнение, К. стал настойчиво просить взять его с собой, даже не стараясь выдумать благовидный предлог для такой просьбы, – пусть это семейство принимает его таким, какой он есть, он почему-то их совсем не стеснялся. Немного сбивала его только Амалия своим серьезным, прямым, неуступчивым, даже чуть туповатым взглядом. Во время недолгой дороги к гостинице – К. вцепился в Ольгу, иначе он не мог, и она его почти тащила, как раньше тянул ее брат, – он узнал, что эта гостиница, в сущности, предназначена для господ из Замка, когда дела приводят их в Деревню, они там обедают, а иногда и ночуют. Ольга говорила с К. тихо

и как бы доверительно, было приятно идти с ней, почти как раньше с ее братом. И хотя К. не хотел поддаваться этому радостному ощущению, но отделаться от него не мог.

3. Фрида

Гостиница была внешне очень похожа на постоялый двор, где остановился К. Видно, в Деревне вообще больших внешних различий ни в чем не делали, но какие-то мелкие различия замечались сразу – крыльцо было с перилами, над дверью висел красивый фонарь. Когда они входили, над ними затрепетал кусок материи – это было знамя с графским гербом. В прихожей они сразу натолкнулись на хозяина, обходившего, как видно, помещения: своими маленькими глазками, то ли сонно, то ли пристально, он мимоходом оглядел К. и сказал:

– Господину землемеру разрешается входить только в буфет.

– Конечно, – сказала Ольга, тут же вступая за К., – он только провожает меня.

Но неблагодарный К. отнял руку у Ольги и отвел хозяина в сторону. Ольга терпеливо осталась ждать в углу прихожей.

– Я бы хотел здесь переночевать, – сказал К.

– К сожалению, это невозможно, – сказал хозяин, – вам, очевидно, ничего не известно. Гостиница предназначена исключительно для господ из Замка.

– Может быть, таково предписание, – сказал К., – но пристроить меня на ночь где-нибудь в уголке, наверно, можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.